

К.В. АЗАРОВ*Доктор наук (Ph.D.)**Рейнский Боннский университет Фридриха Вильгельма*

УДК 130.2

ЛАО-ЦЗЫ И ПРОЕКТИВНОЕ ПАМЯТОВАНИЕ В САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД¹

Концепция проективного памятования Б.Г. Соколова может быть полезна для объяснения особенностей саморепрезентации позднего Толстого и влияния, оказанного на писателя философией Лао-цзы. Проективное памятование представляет собой процесс, при котором прошлое выстраивается и перестраивается с явной преференцией будущего. Толстой выступает важным предтечей этой тенденции в современной культуре, так как своей критикой собственного художественного творчества и всей западной цивилизации он попытался заменить свой образ, превращаясь из великого писателя в мудреца и учителя человечества, редактирующего перевод Лао-цзы и составляющего собственный катехизис мудрых мыслей на каждый день. Поздний Толстой – это и практик новейших технологий своего времени, и их злейший критик. Он сочетает в себе ряд парадоксальных черт, которые прослеживаются и в других акторах проективного памятования, черт, которые могут быть объяснены в терминах Лао-цзы.

Ключевые слова: Лев Толстой, Лао-цзы, проективное памятование, постпамять, память, искреннее притворство, дикая карта, гаджет, ручной фонарь

К. V. AZAROV*Ph.D.**Rhenish Friedrich Wilhelm University Bonn***LAOZI AND PROJECTIVE MEMORY IN LATE TOLSTOY'S SELF-REPRESENTATION**

B.G. Sokolov's concept of projective memory, or projective remembrance, is useful in

¹Статья подготовлена на основе материалов, собранных при поддержке фонда Фрица Тиссена (Fritz Thyssen Stiftung).

explaining some features of late Tolstoy's self-representation and the influence of Laozi on the writer. Projective memory is a process in which the past is built and rebuilt with a clear primacy of the future. Tolstoy is an important forerunner of this trend in contemporary culture. Through criticism of his own artistic achievements and the entire Western civilization, Tolstoy tries to replace his self-image. He transforms it from a great writer into a sage and a teacher of mankind, who edits the translation of Laozi and compiles a catechism of wise thoughts for every day. At the same time, late Tolstoy is both a practitioner of the latest technologies and their austere critic. Tolstoy demonstrates a set of paradoxical features, shared by many contemporary agents of projective memory, which can be explained in terms of Laozi.

Keywords: Leo Tolstoy, Laozi, projective memory, post-memory, memory, genuine pretending, wild card, gadget, flashlight

Введение

Есть моменты, когда необходима обобщающая рефлексия о пути и прошлом. Круглые цифры при всей их условности традиционно служат такими моментами. А поскольку рефлексии необходимо случаться, нельзя упускать момент круглого числа. Но это лишь один из возможных способов личной сборки. В современной культуре начинает преобладать радикально иной подход, когда на круглое число заходят как пилот поршневого истребителя заходит на цель “boom and zoom” атаки, еще только начиная набирать высоту. Блогеры (этимологически восходящие к “web log” “сетевой вахтенный журнал”) откладывают материалы для своего выпуска своего дневника еще только начиная работу над первыми. Даже крупные музеи ищут алиби через NFT, дублируя и тем нивелируя традиционные механизмы проверки аутентичности их новейшими аналогами. Толстой здесь может выступить важной фигурой предтечи.

Проективная память, по Б.Г. Соколову, представляет собой феномен “когда горизонт Прошлого не редуцируется вообще (а скорее даже нарочито сохраняется), но выстраивается при явной преференции Будущего” [1; С. 60]. Этот феномен характерен для современного способа саморепрезентации и заражает все новые и новые культурные механизмы поддержания исторической памяти. Как и всякий многоуровневый эпохальный процесс, проектная память имеет сложную многоэтапную генеалогию, частью восходящую уже к возникновению первых письменных цивилизаций и отхода от мнемонического общества устных преданий. В становлении проективного способа построения памяти можно однако увидеть важные этапы. Рождение глобальных средств массовой информации выступает одним из таких событий. На заре современных СМИ, уже вооруженных первым аналогом глобальной информационной паутины, трансатлантическим телеграфным кабелем, Толстой уничтожил собственное прошлое во имя будущего. Он

раскритиковал свои романы вместе со всей западной цивилизацией. Толстовская самокритика как часть его критики технического прогресса безусловно служила для усиления интеллектуального высказывания и привлекала внимание. Даже если Толстой все это делал совершенно без чувства “себя”, истинно только для мотивов, которые он сам озвучил, он, тем не менее, не мог не понимать какие эффекты сопутствуют его символическим жестам. Он переписал себя словно одного из своих персонажей и монологически заменил фигуру гениального писателя фигурой учителя человечества. Его последователь Витгенштейн удвоился иначе, заменив философа логического позитивизма, известного по “Трактату”, скептиком “Философских исследований”. В обоих случаях традиционная логика работы с изучаемым автором испытывает сходные трудности: преемственность, мотивация, эволюция или революция – все это те проблемы, которые и витгенштейноведы, и толстоведы вынуждены стараться как-то нивелировать, а чаще избегать. Витгенштейном обычно занимаются “поздний”: “ранним” или “поздним”. Толстого обычно исследуют только как писателя. И действительно, проективное прошлое ставит перед историей философии непростую проблему: как идентифицировать субъекта, если таких проектов случилось более одного? А ведь тенденция идет в сторону ускорения и возрастания численных показателей. Так, карьера современного русского блогера из когорты менее честных представителей профессии (из так называемых “новых цифровых мошенников”) часто может демонстрировать множество таких проектов. Например, такой беспринципный блогер за 2-3 года может проделать путь от букмекера к терапевту игровой зависимости, а затем к бизнес коучу. Не самый замысловатый путь среднего “цифрового мошенника” может включить смену ряда масок. При этом используется энергия, выработанная предыдущими проектами, но не так, как это бывает в последовательной авторской эволюции, привычной биографам. Скорее это революционное саморазоблачение для нового витка карнализации. Например, блогер сначала может демонстрировать себя как лихого знатока ставок на спорт, готового поделиться со своей аудиторией секретами, затем самовиктимизировать себя и преподнести нарратив, в котором он был на самом деле жертвой игровой зависимости. Далее наш условный блогер может перейти в новую фазу, предлагая избранной аудитории платную помощь с проблемой, которую он сам пережил (и продемонстрировал в своих видео). Конечно, сравнение великого писателя и типового сетевого жулика – это практически акт святотатства, но ведь сама критика поздним Толстым писательского ремесла во многом разрешает это сравнение. Толстой проделал путь от писателя прогрессиста и просветителя к скептику антипрогрессисту, к раскаявшемуся грешнику прогресса,

пробудившегося от сладкой лжи модернистского мифа. Он, однако, в этом своем пробуждении на большом масштабе продемонстрировал энергию горения памяти, когда смена одного проективного прошлого другим использует предшественника как ракету носитель.

Конечно, чтобы перепроектировать свой “сетевой имидж” человеку нужно столкнуться с некоторой инерцией, обусловленной более ранней моделью памятования и временения. Джентльмен должен быть человеком слова. Аудитория букмекера поставит дизлайки ролику, где букмекер трансформируется в собственную жертву. Однако, чем далее идет культурная перестройка наших механизмов осуществления прошлого, тем слабее это сопротивление. Youtube постепенно отменяет публичные счетчики дизлайков с 2021 года, значительно упрощая новые сборки проективной памяти. Другим примером процесса может быть терминология так называемой “культуры отмены”. Когда по моральным причинам ту или иную знаменитость исключают из индустрии развлечений, называть это “отменой” с точки зрения классической субъективности очень странно. Ведь это, слава богу, не эвфемизм для смертного приговора. Это вообще не эвфемизм, а именно призыв к “отмене”, к коллективному нажатию клавиш “control” и “z”, так сказать к коллективному акту селективной амнезии. В классической модели памяти прощение была актом забвения поступка после пути искупления, но в современном мире скорее грешник должен быть забыт в одно мгновение, переосмыслен и перепроектирован. Как отмечает Соколов, время начинает восприниматься в законах, напоминающих “время Вечности эйдосов Платона, в котором нет изменения, но есть замещения одного файла-кластера-“эйдоса” другим, столь же “вечным” файлом-кластером-“эйдосом” [1; С. 60].

1. Толстой и технологии

Парадигматичность Толстого в этом ключе не должна быть чем-то из ряда вон выходящим, ведь уже глобальная почтовая служба на базе телеграфа приводит к изменениям, которые обычно понимаются в современной медиафилософии как гораздо более новые явления. Например, свойства, связанные с Интернетом, такие как анонимность, непосредственность во времени и опосредованность в пространстве, формируются электрическим предшественником Интернета, телеграфом. Толстой по-особому обращается к своим международным корреспондентам: “к индусу” (к Таракнату Дасу,), “к китайцу” (к Гу Хунмину), “к американцу”(к Кросби). Сам выбор жанра “открытого письма” представляется особенно пророческим с точки зрения реалий web

2.0. В глобальном масштабе даже традиционное эпистолярное слово должно было стать анонимизирующим, но при этом личностным, публичным, но в то же время частным. Таким образом оно обрело необходимую межкультурно-эkleктичную форму.

При этом нужно учитывать, что используя новейшие технологии, Толстой часто выражал сомнения в нравственной ценности прогресса, вплоть до того, что критиковал саму возможность существования этого явления. Эта амбивалентность ставит перед исследователем большую проблему, нарушая целостность толстовского проекта, делая некоторые его элементы тем непонятнее, чем больше исследователь старается их интерпретировать. Так, в статье “Прогресс и определение образования” Толстой прямо отрицает существование прогресса, который для него был не чем иным, как суеверием, разделяемым меньшинством, в то время как “Нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни минуты не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества” [2; С. 333]. Сегодня Китай гораздо больше заинтересован в развитии науки и техники, чем в 1862 году, когда Толстой опубликовал “Прогресс и определение образования”. Важно, что обращаясь к Китаю, Толстой показал себя подлинно глобальным философом, свободным от европоцентризма. Казалось бы, новейшая история (взлет Китая к его нынешнему уровню высочайшей индустриализованности) опровергает Толстого на самом базовом уровне. Однако, если мы попытаемся рассматривать толстовскую идею невозможности прогресса как исключительно моральный вопрос, идея великого писателя может оказаться гораздо более жизнеспособной. Представление Толстого о прогрессе может быть созвучно известному афоризму Нестроя о том, что прогресс всегда кажется намного большим, чем есть на самом деле. Это афоризм, который Витгенштейн выбрал в качестве эпиграфа к “Философским исследованиям”.

Во многом отношении Толстого к технике аналогично его отношению к искусству. Толстой оставил радикальные антиэстетические высказывания. Но даже в периоды, когда Толстой осуждал собственные шедевры, он не отбрасывал значение народного творчества в разных культурах, что опять-таки является отзвуком его антипрогрессивистской позиции. А иногда Толстой не мог не писать художественную прозу вопреки собственной жестокой критике этого занятия. Аналогичная амбивалентность связывает Толстого с технологическим прогрессом, ведь в одних случаях он отрицал, а в других принимал новые технологии. Так, Коненко, не получив от Толстого разрешения на съемку своего видеопортрета, писал, что “убеждения графа, великие идеи пророка заветов всеобщей любви и счастья делают несовместимой с ними возможность

позирования для синемаатографа” [3; С. 401]. Однако с разрешения жены Толстого был сделан видеопортрет писателя. Хотя Толстой и не позировал для него, Коненко снял прибытие Толстого на вокзал, видео сюжетно более близкое Tiktok-у, чем кинематографу в его классическом понимании. Ранняя цветная фотография, возможно первая в России, тоже служила портретом Толстого и была снята Прокудиным-Горским.

При этом Толстой использовал новую технику и сам, непоследовательность, подмеченная уже современниками. Когда в 1910 году Толстой драматично покидал свой дом, в поезде у него состоялся разговор с попутчицей, некой студенткой Т. Таманской. Это был один из самых последних записанных разговоров с Толстым. Помимо всего прочего, этот разговор самым непосредственным способом связан с толстовским отношением к прогрессу и новым технологиям. К счастью, Таманская опубликовала свою версию этой беседы в “Голосе Москвы”. После спора, где Таманская защищала технический прогресс против Толстого, Толстому пришлось использовать ручной фонарь. Таманская поймала Толстого на непоследовательности, что, несмотря на свои взгляды, он свободно использует осуждаемую им новую технику [4; С. 458]. Нужно понимать, что ручной фонарь в 1910 году был не только еще очень новым (первый патент от 1899, ряд важных конструктивных улучшений произошли в середине 1900-ых [5; С. 90]) но и дорогостоящим изделием, тем, что в современной культуре понимается как “гаджет”. Интересная параллель: в немецком языке неформальное обозначение мобильного телефона, главного “гаджета” современности, это “das Handy”. Это обозначение происходит именно от аналогичного термина для ручного фонаря, точнее говоря, оно идет от конкретной модели, от фонаря “Handy” марки Daimon, выпущенного в 1937. А в 1910 даже в США и Англии керосиновые лампы еще уверенно удерживали лидерство в роли “мобильного устройства освещения” и особенно в роле сигнального огня [5; С. 91]. То есть, ручной электрический фонарь выделял своего владельца, прекрасно справляясь с главной функцией “гаджета”.

Толстой ответил Таманской, и защищая себя, он критикует свой “гаджет”: “да это не очень удобно, часто портится, а главное, от этого люди лучше не будут” [4; С. 458]. Однако все эти свойства едва ли оправдывают владение и использование такого устройства. Более того, использование “неудобного” “часто портящегося” и безусловно не улучшающего человеческую сущность гаджета является сегодня еще более актуальным вопросом, чем в 1910.

2. Толстой и Лао-Цзы

Источник амбивалентности Толстовского отношения к технологии (теоретическое осуждение, совмещенное с практическим использованием), как и некоторые другие элементы трансформативного памятования всего его позднего проекта в целом, можно усмотреть в восточной философии, а конкретнее в даосском искусстве искреннего притворства исследованного Мёллером, д'Амброзио [6] и Зипориным [7]. Мастеров-даосов исследователи, подходящие к проблеме в таком ключе, сравнивали с джокером или же с “дикой картой” (“wild card”), то есть картой, которая может быть любой другой игровой картой в зависимости от игровой ситуации. Это типаж заметно опережает современный динамизм перестроения памяти. Новый цифровой мошенник может быть букмекером в одном году, чтобы стать зависимым в следующем и пытаться лечить через два года, но не делать все это одновременно. У Толстого же мы наблюдаем проблески “карточной дикости” (не имея в виду увлечение молодости писателя). Толстой оказывается, например, в воспоминаниях Таманской, то технократом, то восточным мудрецом, осуждающим глупость прогресса. В то же самое время, современниками замечалось, но недооценивалось юродство, шутство поздних жестов Толстого, скажем в Ленинской критике. Юмор совершенно отсутствует в художественном творчестве Толстого. Его герои настолько монолитно монологичны, что им не до смеха. Но юмор играл большую роль в частной жизни позднего Толстого, согласно воспоминаниям его родственников, близких и друзей [8]. Молодой Толстой-прозаик серьезен, Толстой-древний мудрец – смешлив.

Толстой удивительно глубоко связан с восточной философией вообще и с даосизмом в частности. Это черта писателя, значимость которой еще только предстоит быть по-настоящему оцененной. Толстой редактировал как минимум два русских перевода такого важного даосского текста, как Дао дэ цзин (道德經, в ранних переводах так же “Тао те кинг”), альтернативно называемого по имени автора “Лао-цзы” (老子, в ранних переводах так же “Лаоси”). Один из этих переводов был опубликован. Это был уникальный для своего времени интернациональный проект, плод сотрудничества Толстого и его японского последователя Конисси Масутаро (Konishi Masutarō) [9]. Толстой так же работал как минимум над еще одним вариантом перевода с Е.И. Поповым. Интерес Толстого получил высокую оценку в Китае, где его даже называют “русским Лао-цзы” (“俄国的老子”), например такие ученые как Се Наньдоу (谢南斗) [10; С.

40)¹ и Цао Хайянь (曹海艳) [11; С. 73].

На самом деле Толстой очень рано проявляет увлечение неевропейскими культурами. В юности он изучал турецкий и татарский языки в Казанском университете. Конечно, интерес Толстого к Лао-цзы не лишен особого романтического привкуса, даже если Толстой предпринимал некоторые шаги, чтобы избежать открытого экзотицизма. Так, Толстой перебрал множество переводов Лао-цзы в поисках лучшего, а также, вероятно, пытался изучать китайский язык [12; С. 656-657].

Дукас и Сандстром видят мотивы даосской простоты уже в “Войне и мире” [13; С. 182–193]. Образ Платона Каратаева видится особенно близким даосским принципам простого и естественного бытия. Штайнер выделяет такие черты Каратаева, как спокойствие и единство с миром [14; С. 57], а также андрогинность его образа [14; С. 58]. Андрогинность рассматривается как один из признаков обретаемого совершенства в религиозной ветви даосизма.

Естественная простота не единственный даосский сюжет, важный даже для раннего Толстого. Фигура ребенка, понятая как совершенное существо, столь важная для даосской внутренней культивации, играет центральную роль в Толстовской философии образования. Толстой прямо утверждает, что идеал воспитания лежит не в конце, а в начале любой биографии [2; С. 323]. Здесь Толстой совершенно осознанно вторит лао-цзыскому:

*Тотъ, кто знаетъ свою силу и сохраняетъ свою слабость,
сдѣлается долиной вселенной.*

*Когда онъ будетъ долиной вселенной, то въ немъ будетъ
пребывать вѣчная добродѣтель.*

*Человѣкъ вторично возвращается въ состояніе младенца
(Тао). (...) Кто будетъ примѣромъ всего міра, тотъ не измѣнитъ
вѣчной добродѣтели и возвратится къ совершенству (Тао) (...) Кто
– долина вселенной, тотъ будетъ доволенъ только добродѣтелью и
возвратится въ совершенную простоту [9; С. 30].²*

Даоистское искусство искреннего притворства может являться важным методологическим подспорьем в объяснении многих жестов

¹Здесь и далее я использую упрощенные формы китайских иероглифов (简体字) как в оригинальных публикациях.

²Сохранена дореформенная орфография оригинала.

позднего Толстого. Непоследовательность и даже противоречивость в поведении графа легко может объясняться принятием им свойств “дикой карты”, которым, согласно Мёллеру, д’Амброзио и Зипорину, учат мастера-даосы. Как это было обосновано Ансельмом Кентерберийским, абсолютные максимумы и минимумы совпадают. Максимальная сложность в эпоху web 2.0 не отличима от максимальной простоты. Так в романе “t” Пелевина, Толстому (“Т”) встречается крестьянка Аксинья, которая потом оказывается его образованной последовательницей, ради самоупрощения освоившей в совершенстве русские простонародные диалекты и воссоздавшей во всей сложности национальный костюм данной местности [15; С. 123].

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов Б.Г. Архитектура “Постпамяти” / *Studia Culturae*, Вып. 1 (47), 2021.
2. Толстой Л.Н. Прогресс и определение образования / Лев Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, Т. 8, Педагогические статьи, 1860-1863, М.: Художественная литература, 1936.
3. Коненко В. У Льва Николаевича Толстого / Интервью и беседы с Толстым, ред. сос. В.Я. Лакшин, М.: Современник, 1986.
4. Таманская, Т. На пути в Козельск / Интервью и беседы с Толстым, ред. сос. В.Я. Лакшин, М.: Современник, 1986.
5. О’Ди У.Т. Социальная история освещения (на английском языке), Лондон: Рутледж и Кеган, 1958.
6. Д’Амброзио П.Дж., Мёллер Х.Г. Искреннее притворство: о философии Чжуан-цзы (на английском языке), Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 2017.
7. Брук Д.З. Чжуан-цзы как философ (на английском языке), 2015, <https://www.hackettpublishing.com/zhuangziphil>
8. Еремеева, Д. Толстой шутит (юмор Льва Толстого в воспоминаниях современников) / Материалы международной научной конференции “Толстовские чтения — 2015” и научно-фондовой конференции “Гороховские чтения — 2015” в в Государственном музее Л.Н. Толстого, 2016.
9. Лаоси, Тао Те Кинг, ред. Л.Н. Толстой, пер. Д.П. Конисси, М: Кушнерев, 1894.
10. Се Наньдоу, Отпечаток школы Лао-Чжуана у Толстого (на китайском языке) / Русская литература и искусство, Т. 4, 2000.
11. Цао Хайянь, Толстой и Лао-цзы: поиск и пробуждение (на китайском языке) / Русский язык и литературоведение, Т. 2, 2009.
12. Мышинский А.Л., Лев Толстой и Лао-цзы / Общество и государство в Китае. Т. XLV. М., Ч.1., 2015.
13. Дукас В., Сандстром Г.А., Даоистские паттерны в “Воине и Мире” (на английском языке) / Славянский и Восточноевропейский журнал, Т. 14 (2), 1970.
14. Штайнер Л., Революционер как “прекрасная душа”: путь Льва Толстого к этическому анархизму (на английском языке) / Исследования Восточноевропейской мысли, Т. 71, 2019.
15. Пелевин В.О., “t”, М.: ФТМ, 2009.

REFERENCES

1. Sokolov B.G., Architecture of Post-memory (in Russian) / *Studia Culturae*, vol. 1 (47), 2021.

2. Tolstoy, L.N., Progress and the definition of education (in Russian) / Leo N. Tolstoy, Pedagogical articles, 1860— 1863. Complete Works by Tolstoy in 90 Volumes, vol. 8. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1936.
3. Konenko, V., At the home of Leo N. Tolstoy (in Russian) / Interviews and Conversations with Tolstoy, ed. V. Lakshin. M.: Sovremennik, 1986.
4. Tamanskaya T., On the road to Kozel'sk (in Russian) / Interviews and Conversations with Tolstoy, ed. V. Lakshin. M.: Sovremennik, 1986.
5. O'Dea, William T. The Social History Of Lighting, London: Routledge and Kegan, 1958.
6. D'Ambrosio P.J., Moeller H.G., Genuine Pretending: On the Philosophy of the Zhuangzi, New York: Columbia University Press, 2017.
7. Brook D. Ziporyn Zhuangzi as Philosopher, 2015, <https://www.hackettpublishing.com/zhuangziphil>
8. Eremeeva D., Tolstoy jokes (Leo Tolstoy's humor in the memoirs of his contemporaries) (in Russian) / Proceedings of the international academic conference “Tolstovsky Readings - 2015” and the academic conference “Gorokhov Readings - 2015” in the State Museum of L.N. Tolstoy, 2016.
9. Lao Tsu, Tao Te Ching (in Russian), trans. Konishi Masutarō, ed. L. Tolstoy. M.: Kushnerev, 1894.
10. Xie Nandou, ‘The imprint of Lao-Zhuang school in Tolstoy’ (in Chinese) / Russian Literature and Arts (谢南斗 · 老庄学说与托尔斯泰打印分享 · 《俄罗斯文艺》), vol. 4, 2000.
11. Cao Haiyan, ‘Tolstoy and Lao Tzu’s Philosophy: Pondering and Awakening’ (in Chinese) / Russian Language and Literature Studies (曹海艳 · 托尔斯泰与老子哲学思想——苦思与顿悟 · 《俄语语言文学研究》), vol. 2, 2009.
12. Myshinskiy A.L., Leo Tolstoy and Laozi (Lao-Tzu) (in Russian) / Society and State in China, vol. 45, No. 1, 2015.
13. Dukas, V., and Sandstrom, G.A. ‘Taoistic Patterns in War and Peace’ / The Slavic and East European Journal, vol. 14 (2), 1970.
14. Steiner, L. ‘A revolutionary as a “beautiful soul”: Lev Tolstoy’s path to ethical anarchism’ / Studies in East European Thought, vol. 71, 2019.
15. Pelevin V.O., “t” (in Russian), M.: FTM, 2009.